

ТАРАНТЕЛЛА

— Отвратительно, — сказал доктор Ватсон, складывая газету.

— Ничего особенного, — заметил Холмс, обгладывая ножку холодной куропатки. — Разговоры о растрате средств — обычное ремесло газетчиков. Министерство, как всегда, отмолчится: серьезных доказательств нет никаких. Пошумят и забудут.

— Простите меня, Холмс, за все эти годы я должен был привыкнуть к вашей проницательности, — растерянно сказал Ватсон, — но как? Вы ведь, кажется, не видели сегодняшних газет. И уж точно не могли знать, что я читал сейчас. Могу поклясться, вы даже ни разу не посмотрели в мою сторону!

— Элементарно, Ватсон. — Холмс потянулся к бутылке «Монтраше». — По шороху, с которым вы переворачивали страницы, я определил, что вы читаете «Таймс». В зависимости от размера листа и качества бумаги газеты издают разные звуки. Хотя как-то раз в молодости, распутывая одно дело на континенте, я спутал на слух «Санкт-Петербургские ведомости» с «Дрезденскими известиями». Но ни с чем нельзя спутать тот специфический хруст, с которым раскрываются страницы «Таймс», основанной в тысяча семьсот восемьдесят пятом году типографом Джоном Волтером, всегда использовавшей самую лучшую бумагу и печат-

ные машины, в частности вальцовый пресс... Образчик респектабельности, тираж около пятидесяти тысяч... Впрочем, с этим ясно. Пойдем дальше, — он осушил бокал и снова принялся за куропатку, — за эти годы я неплохо изучил вас, Ватсон. У вас есть привычка начинать с раздела объявлений, а передовицу оставлять напоследок. Поскольку сразу после чтения вы сложили газету вдвое, значит, ваше восклицание относилось именно к передовице. Я также замечая, что вы, пораженный человеческим страданием, непременно воскликнете: «Ужасно!», дурные вести из колоний встретите восклицанием «Кошмар!», низость назовете низостью, а вот слово «отвратительно» прибережете для злоупотребления деньгами налогоплательщиков. Наш родной язык так богат синонимами... Ну а про назревающий скандал в министерстве я знал заранее... кажется, от Майкрофта, да это и не важно. Конкурировать с этой новостью могло бы только открывшееся разорение одного банка, но я как раз занимаюсь этим делом и уже принял все меры, чтобы избежать огласки. Как видите, ничего сложного.

— Да, все очень просто, Холмс... после того, как вы мне это объяснили, — вздохнул Ватсон.

Друзья сидели в комнате на Бейкер-стрит. Все вокруг было как обычно: обстановка здесь не менялась годами и даже десятилетиями. Даже насквозь прожженная полка с химикалиями висела на своем законном месте.

Холмс, облаченный в свой привычный красный халат, устроился у камина и с аппетитом поглощал ланч — впрочем, это можно было назвать и завтраком, так как великий сыщик встал около полудня. Ватсон, напротив, провел бессонную ночь у постели больного и оттого был несколько раздражен, что, как известно, не способствует хорошему аппетиту. Поэтому он предпочел куропатке газету.

— А это что за дрянь? — Ватсон с недовольством покосился на обтрепанный женский зонтик, прислоненный к стене

рядом с футляром для скрипки. — Вы опять переодевались старухой?

— Что? А... — Холмс махнул рукой. — Да, недавно пришлось. Нужно было проследить за одним высокопоставленным негодяем, развращающим невинных девушек в предместьях.

— Что-нибудь удалось узнать? — встревожился доктор.

— Так, пустяки. Лорд... впрочем, обойдемся без имен и титулов, время еще не пришло... — рассеянно сказал Холмс, подливая себе вина, — разумеется, переодетый, в парике и с накладной бородой, был замечен мной возле одной гостиницы с дурной репутацией. Под руку он вел молодую девушку, скрывающую лицо под вуалью. Девушку мне не удалось разглядеть: было темно. Но по отпечатку каблука в комке лошадиного помета — простите, Ватсон, что я говорю об этом за завтраком, но вы медик... так вот, по отпечатку каблука я определил кое-какие интересные подробности, которые могут дать направление дальнейшим поискам. Но — тс-с-с, Ватсон, об этом рано говорить. Так или иначе, я спасу ее, вырву из лап гнусного негодяя. Пока что моя добыча очень скромна: лорд дал мне пенни.

Ватсон смущенно хихикнул, рыжие усики вздрогнули.

— Кстати, — вспомнил он, — мы пойдем вечером на новую постановку? О ней много говорят.

— Не знаю, — Холмс поморщился, — не знаю. Оффенбах бывает недурен, но мне ближе чисто французская музыка. Не подумайте только, что я разделяю известный предрассудок. Но это как с кухней: если уж пробовать *pasta*, то поваром должен быть настоящий итальянец, а не *giudeo*, которому запрещено употреблять в пищу *frutti di mare*. Так и в музыке. Хотя у него есть одна приятная мелодия... — Холмс попытался засвистеть.

— Кстати, об итальянцах, — поспешно спросил Ватсон. — Вы, насколько я помню, назначили сегодня доктору Струццо? У него к вам было какое-то дело.

— Я никогда и ничего не забываю, — самодовольно заметил Холмс, опуская тонкую белую руку в ведро с углем, где он предпочитал хранить свои трубки, и готовясь приступить к сложному ритуалу раскуривания. — Ватсон, вы не помните, куда я положил табак?

— Последний раз я находил его в носке персидской туфли, — сообщил Ватсон.

— Отлично, — Холмс ловко вытянул ногу и достал из-под шифоньера вещичку, — он и в самом деле тут... Итак, я сомневаюсь, что доктор успеет вовремя. Во всяком случае, еще несколько минут для наслаждения жизнью у нас есть.

— Сомневаюсь, — подумав, сказал Ватсон. — Давайте применим ваш дедуктивный метод. Доктор Ламберто Струццо — итальянец, но при этом практикует в Лондоне. Итальянскому медику очень сложно устроиться в Британии: мы, англичане, не доверяем чужакам, а врач — лицо доверенное. Причем, насколько мне известно, он специалист по нервным болезням, а это вдвойне деликатная тема. Чтобы создать себе репутацию, он должен быть не только хорошим врачом, но и крайне щепетильно относиться к любым мелочам. Пунктуальность же — это настоящая страсть нашей бесстрастной нации, и пренебрежение ею может стоить провинциалу карьеры. Тем более в важных вопросах — а если уж он обратился к вам, значит, вопрос действительно важен. Как вам мое рассуждение, Холмс?

— Bravo, мой дорогой Ватсон! — Холмс зааплодировал. — На этот раз вы превзошли самого себя. Вы не просто применили мой метод — вы сделали это правильно. Собственно, ваш вывод был бы совершенно справедлив, — Холмс сделал паузу, совершая какую-то особенно сложную манипуляцию с трубкой, — но доктора зовут Ламберто, а это значит, что он может быть точным, как часы, всегда, но только не сегодня.

— И каким же образом из этого следует, что именно сегодня он опоздает? — саркастически осведомился Ватсон.

— Да, Ватсон, именно следует, потому что любой итальянец, даже последний farabutto, скорее даст снять с себя шкуру живьем, нежели пропустит церковную службу в день своего святого. А сегодня как раз девятнадцатое апреля. Учитывая расстояние до ближайшей католической церкви и расписание служб...

— Девятнадцатое апреля? — переспросил Ватсон. — Ага, да, понятно... Но почему доктор так настаивал на встрече именно сегодня, даже рискуя опоздать?

— Именно поэтому. Дело, видимо, серьезное, а доктор в глубине души суеверен. Поэтому он предпочел встречаться с нами в свой день: это должно принести удачу. Кстати, еще один повод сходить на службу.

— Вы, как всегда, блестящи, Холмс, — Ватсон развел руками. — Не устаю удивляться, как это вы, с вашими энциклопедическими познаниями, умудряетесь в то же время не замечать очевиднейших вещей. Например, того, что...

— Друг мой, для меня нет ничего очевидного, — заметил Холмс, выпуская первый клуб дыма, — но это не слабость, а сила. Я знаю факты, но лишен предрассудков и предубеждений, опутывающих, подобно сети, даже лучшие умы. Впрочем, я без всякой жалости выкидываю из памяти и факты, если они мне ничем не помогают. Например, я стараюсь не запоминать подробности дел, которые уже закончены. Поверьте, я помню многие свои приключения в основном благодаря вашим рассказам, ну и своей картотеке.

— Охотно верю, — Ватсон пожал плечами. — Но не понимаю.

— А к чему мне помнить все эти подробности? Я не тщеславен. Моя скромная репутация меня вполне устраивает. Единственная награда, которую я желал бы для себя, — сознание того, что в результате моей деятельности воздух Лондона становится немного чище, порок наказан, а добродетель в очередной раз

вступила в свои законные права. Разве этого не достаточно для удовлетворенности собой? — В голосе Холмса послышалось неподдельное волнение.

Ватсон промолчал.

* * *

Великий сыщик как раз заканчивал с трубкой, когда зазвенел дверной колокольчик.

— О, а вот и наш доктор, — довольно сказал Холмс. — Он уладил свои дела с Богом на две минуты раньше, чем я ожидал.

Доктор Струццо появился в самом скором времени. Ватсон отметил про себя, что, несмотря на безупречный костюм и манеры гостя, в нем можно с первого взгляда распознать итальянца. Высокий, плотный, с курчавой головой, отливающей цветом воронова крыла, с черными глазами и лихо загнутым носом, доктор производил впечатление типичного южанина.

— Добрый день, мистер Шерлок Холмс, — гость начал говорить прямо от порога, помогая себе энергичной жестикуляцией, — а вы, наверное, доктор Ватсон? — повернулся он к Ватсону, — добрый, добрый день, ужасно рад вас видеть... Простите за мое запоздание, джентльмены: увы, увы, улицы этого города так переполнены...

От Ватсона, однако, не укрылась нервозность, которую гость тщательно пытался скрыть за любезностью и радушием.

— Присаживайтесь, — решительно сказал Холмс, показывая на стул. — И давайте не терять времени. Рассказывайте же, что вас сюда привело: вы, кажется, не из тех людей, которые тратят время на ненужные любезности.

— Да, вы правы, мистер Холмс. — Скорость речи собеседника не уменьшилась, но добродушие из нее пропало, как и маслянистые нотки в голосе. Теперь перед Холмсом и его другом

сидел не светский щеголь, а решительный человек, столкнувшийся с тяжелой проблемой, но намеренный ее решить.

— Итак, я пришел к вам по поводу одного необычного убийства, — взял он быка за рога.

— Убийства, как и болезни, обычными не бывают, — философски заметил Холмс, бросив печальный взгляд на оставленную трубку.

— Да, да, но я говорю о случае, необычном и вопиющем даже с точки зрения дилетанта, каким являюсь я в вопросах криминалистики... Два дня назад была убита Анна Кросс, единственная дочь вдовца Эммануила Кросса, художника. Предупреждая дальнейшее: я действую от его имени и по его поручению.

— Вы его друг?

— Смею считать себя таковым. Кроме того, он мой постоянный пациент.

— Почему же он не пришел ко мне сам?

— Он убит горем. К тому же... — доктор слегка замялся, — есть особые деликатные моменты... В общем, я предложил ему свою помощь и посредничество, более того — настоял на этом.

— Это как-то связано с болезнью? — предположил Холмс.

— Не только. Как бы это объяснить... Во-первых, мистер Кросс несколько простоват. У него гениальные руки, и его картины весьма ценятся в обществе, но, по правде говоря, он выходец из предместий. Если бы не наследство дяди, он прозябал бы в самом жалком положении... Недостаток хороших манер...

— Когда речь идет о жизни и смерти, хорошие манеры — вещь второстепенная... Значит, есть еще что-то?

— Я не хотел с этого начинать. Ну что ж. Я уже давно пользуюсь господина Кросса от его недуга. Увы, похоже, неизлечимого...

— Доктор Струццо известен как специалист по нервным болезням, — зачем-то сказал Ватсон.

— Ну, не то чтобы известен, — слегка смутился доктор, — но определенная репутация...

— Хорошо, об этом вы расскажете тогда, когда сочтете нужным, — сказал Холмс. — Мы, сыщики, прежде всего интересуемся тремя вопросами: где, когда и что. Итак, где и когда были обнаружены последствия преступления?

— Труп Анны Кросс был найден позавчера в гостинице на Мерилбон-роуд... — начал Струццо.

— То есть у нас на соседней улице? — изумился Ватсон.
Холмс нахмурился.

— Для человека с рационально устроенным умом должно быть ясно как день, что в Лондоне преступление может совершиться в любом месте: в Вестминстерском дворце, в трущобах или у нас под окнами, — недовольно сказал он своему другу. — Продолжайте, доктор.

— Я и говорю: ее тело было обнаружено в дешевой гостинице на Мерилбон-роуд. — В голосе итальянца прорезалось тщательно сдерживаемое волнение. — Места преступления я не видел. Но я ездил вместе с моим несчастным другом на опознание тела.

— Так-так, — сказал Холмс. — Опишите как можно подробнее то, что вы видели своими глазами.

— Я врач, Холмс, но должен сказать — даже для моих нервов это было суровым испытанием. Тело Анны изуродовано. Особенно пострадала грудь и нижняя часть тела. Честно сказать, ее буквально выпотрошили.

— Характер ран? Вы можете сказать, чем они были нанесены?

— Очень острым предметом, — подумав, сказал итальянец, — но, пожалуй, не слишком длинным. Скорее всего, это был какой-то медицинский инструмент.

— Ланцет? — спросил Холмс.

— Да, скорее всего. Судя по тому, что осталось от груди... Это было просто ужасно. Простите мое волнение, но я хорошо знал покойную, и смотреть на это мне было больно.

— Что ж, мужайтесь. Мне приходилось видеть самые кошмарные вещи, какие только способно измыслить человеческое воображение, — с чувством сказал великий сыщик.

— Или дьявольское! — Итальянская натура гостя наконец дала о себе знать. — Простите, мистер Холмс, но тот, кто сотворил это — сущий дьявол!

— Я сталкивался с людьми, склонными к мучительству, — заметил Холмс, — обычно это дегенеративные типы из низших слоев общества.

— О, если бы! Увы, даже среди высоко вознесенных над толпой смертных попадают субъекты, достойные виселицы или Бедлама, — с горечью сказал доктор.

— Что же полиция? — Холмс решительно вернул разговор на почву фактов.

— Ведет расследование... Меня приглашали на опознание тела.

— А газеты? Почему в газетах ничего не было?

— Обстоятельства дела деликатны. Насколько мне известно, пока что газетчиков держат в отдалении.

— Откуда вам это известно? — недоверчиво прищурился Холмс.

— У меня есть связи в Скотланд-Ярде. Я пользовался от нервного расстройства... впрочем, это врачебная тайна. Как бы то ни было, я в курсе всех подробностей. Можете задавать мне вопросы как лицу осведомленному.

— Кто обнаружил тело? — Холмс приступил к расспросам.

— Служанка. Она убирала комнаты.

— Она дала показания?

— Да. Более того, я знаю какие.

— И что же? — Холмс наклонился вперед, его ноздри хищно раздувались.

— Служанка подтвердила под присягой, что номер был снят на одну ночь неким мужчиной, представившимся как «мистер

Мерри». Разумеется, это не настоящее имя. У него были длинные волосы, усы и борода.

— Парик и накладки, — презрительно сказал Холмс.

— Полиция думает так же... С ним была девушка, которую представили как «мисс Мерри». Это выглядело очень подозрительно. Но он ответил на все вопросы полугинеей поверх счета.

— И, разумеется, заплатил вперед? — спросил Холмс.

— Да, именно так... В общем, он снял номер из двух комнат, на двоих. Девушку он представил как свою дочь, путешествующую вместе с ним. Она это подтвердила — служанка клянется, что добровольно.

— Выглядела ли она напуганной?

— Служанке показалось, что девушка нервничала. Но она поняла это... как бы это сказать, мистер Холмс...

— Она приняла ее за падшую женщину, — резко и грубо сказал Шерлок, — беспокоящуюся о том, заплатит ли ей клиент и не вытолкают ли их обоих в шею. Похоже, эта гостиница — просто притон.

— Как и большинство дешевых гостиниц в Лондоне, — не удержался Ватсон.

— И что же дальше? — не отставал Холмс. — Ночью кто-нибудь слышал крики, звуки борьбы?

— Нет, ничего подобного.

— Как выглядел номер?

— Как лавка мясника, в которую попал артиллерийский снаряд. Говорят, все было в крови, даже стены.

— Очень, очень интересно... Отец знает? — без тени смущения спросил сыщик.

— Знает... и не знает. Видите ли, — замялся Струццо, — это как раз касается болезни... Господин Эммануил Кросс страдает провалами в памяти. То есть он может забыть то, что делал буквально несколько часов или даже минут назад. Малейшее нервное потрясение способно лишить его памяти о прошлом.

— И насколько глубоко простираются приступы забвения? — осведомился Холмс.

— Когда как. Обычно он забывает то, что происходило в течение ближайших часов. Но бывает по-всякому. Однажды он при мне не узнал собственную дочь. Он кричал, что у него нет никакой дочери, и требовал, чтобы я вышвырнул за дверь эту гулящую девку, не стоящую трех шиллингов! Потом все неожиданно прошло, и он снова стал приветлив. Мы больше не возвращались к этому вопросу. К счастью, его недуг не мешает ему рисовать и даже по-особенному обостряет восприятие мира... Так вот, когда ему сообщили о смерти дочери, он держался мужественно и стойко, даже поехал вместе со мной на опознание тела... а потом, по дороге домой...

— Кстати, где он живет? — заинтересовался Холмс.

— Собственный дом на Бедфорд-Роу, — сказал доктор.

— Не слишком-то подходящее место для живописца, — заметил великий сыщик. — На Бедфорд-Роу обитают в основном юристы, а в юристах, как выражался мой первый учитель музыки, мало пленительного.

— Дом достался мистеру Кроссу в наследство от дяди, и он им очень дорожит, — пояснил доктор Струццо. — К тому же молодость он провел не в дурном обществе, так что нравы Бедфорд-Роу ему по душе: там тихо и спокойно. В любом случае его недуг не позволяет ему переменить место жительства: несчастный может просто не запомнить нового адреса, а дорогу к своему дому он изучил еще до того, как болезнь стала прогрессировать. Он, можно сказать, прикован к своему обиталищу невидимой цепью.

— Ужасно, — искренне сказал Ватсон.

— Так вот, — продолжил Струццо, — когда мы возвращались, он как ни в чем не бывало мне и говорит: «Эх, доктор, наша Анна вас небось ждалась».

— Именно такими словами? — Холмс склонил голову набок, как умная собака, почуявшая след.

— Да. Признаться, у меня чуть не брызнули слезы...

— Я о словах, — нетерпеливо перебил сыщик. — Он так и сказал — «небось»?

— Он выходец из предместья, — напомнил Струццо. — В принципе, он говорит нормально. Но когда он взволнован или у него эти проклятые провалы в памяти, он сбивается на родное просторечие... Но какое это имеет значение?

— Все имеет значение, решительно все... Итак, вы считаете, что он забыл о смерти дочери?

— Не знаю. Я не решаюсь заговорить с ним об этом... И тем ужаснее мои подозрения, — неожиданно закончил он.

— Какие подозрения? — Холмс впился в него глазами.

— Что ж, я вынужден сказать и это... Однажды я видел среди набросков картон, на котором была изображена мертвая девушка со страшными ранами. Лицо ее не было дорисовано, но тело... Могу поклясться, это тело Анны! Там были подробности, которые мог знать только тот, кто видел ее полностью обнаженной. Когда я спросил господина Кросса о том, что это такое, он сказал, что это набросок для большой картины, изображающей казнь одной древнеримской мученицы. Но картина так и не появилась. Вы понимаете, о чем я теперь думаю, о чем я не могу не думать? Ведь несчастный Эммануил и в самом деле не помнит, что делал во время этих своих приступов...

— Этот набросок до сих пор цел? — спросил Холмс.

— Думаю, да. Если мне будет предоставлена такая возможность, я его опознаю... Но не подумайте только, что я и в самом деле верю в то, что несчастный мистер Кросс виновен, — с жаром сказал итальянец. — Напротив, я хотел бы снять с него все подозрения — именно потому я так откровенен, именно потому я делюсь с вами самыми черными мыслями... Но я хорошо знаю Эммануила Кросса — и как врач, и — смею произнести это слово — как друг. Это благороднейший человек. И если он узнает или хотя бы подумает, что в порыве безумия совершил

нечто страшное и непоправимое — он больше не сможет жить. Он умрет от горя. Или убьет себя.

— Вот как? Вы уверены? — спросил Холмс со странной интонацией. — Самоубийство — тяжкий грех.

— Клянусь Пречистой Девой, я больше всего боюсь именно этого — что он наложит на себя руки. Счастье его жизни составляли искусство и дочь, а теперь он лишился половины — и, наверное, лучшей половины. Если же он возьмет в голову, что он повинен в гибели Анны... нет, хотя бы в небрежности, в недостаточном внимании к ней... Уже одно это может погубить его. Как видите, я думаю не только о мщении за мертвую, я борюсь за жизнь живого, более того — за участь его души в грядущей вечности. Я найду настоящего убийцу — с вашей помощью или без нее. И когда он будет найден, я употреблю все средства, чтобы пустить в ход машину правосудия... если только не растерзаю негодяя собственными руками! — Как бы в подтверждение этих слов доктор Струццо выбросил руки перед собой, так что Ватсон невольно отшатнулся.

— Остановитесь, доктор. Убийство — тоже тяжкий грех, — сказал Холмс.

— Да, да, вы правы... Я сказал все. Итак, вы беретесь за это дело? Я знаю ваши расценки, мистер Холмс, равно как и вашу репутацию, — добавил он.

— Я должен подумать, — неопределенно ответил великий сыщик, — сейчас я веду сразу несколько дел, а мои силы не безграничны. Приходите послезавтра за окончательным ответом.

— Благодарю за то, что выслушали меня, — сказал доктор, вставая. — Надеюсь, в любом случае это останется между нами.

— Не беспокойтесь, — Холмс любезно улыбнулся, — за это я ручаюсь.

— Если вдруг вам срочно понадобятся какие-то дополнительные сведения, — уже уходя, сказал доктор, — меня можно найти каждый день около семи в итальянском трактирчике на улице Королевы Анны, в том же доме, что «Хорек и Ручейник».

— Итак, — сказал великий сыщик, снова берясь за трубку, — это одно из тех дел, которые я раскрываю, не сходя с места. Впрочем, нужно будет еще известить Скотланд-Ярд. Ах, какой наглый, ловкий негодяй!

— Кто? — переспросил Ватсон. — Этот несчастный сумасшедший, отец девушки?

— Ее отец — такая же жертва итальянца, как и сама несчастная, — сказал Холмс. — Но какая наглость! Совершить преступление и явиться ко мне, чтобы моими руками переложить ответственность на невиновного! Этот человек, похоже, привык воспринимать людей как марионеток, а себя считает кукловодом, который дергает за ниточки. Но со мной этот номер не пройдет! — Холмс в негодовании выпустил клуб сизого дыма.

— О чем вы, Холмс? — спросил в изумлении Ватсон. — Ведь все обстоятельства указывают...

— Прежде всего, Ватсон: все эти так называемые «обстоятельства» известны нам только со слов этого господина. Впрочем, здесь я склонен ему доверять. Он прекрасно знает, что мне ничего не стоит перепроверить его сведения непосредственно в полицейском управлении. Поэтому само дело, его обстоятельства, показания служанки — все это, скорее всего, соответствует действительности, ну а что касается мелких деталей, это всегда можно списать на то, что его неназываемый источник сообщил не все или что-то спутал... Нет, разгадка скрывается не здесь.

Ватсон задумчиво почесал переносицу.

— Смотрите, Ватсон. — Холмс вытянулся во весь свой немалый рост и выпустил еще несколько клубов табачного дыма. — Прежде чем принять этого Струццо, я навел о нем справки. Вы совершенно правильно предположили, что итальянцу в Лондоне устроиться не так-то просто. Однако же этот доктор и в са-

мом деле известен. Его особая специализация — женские нервные расстройства. Здесь он слывет настоящим кудесником.

Холмс выпустил еще один клуб дыма.

— Но в кругах, далеких от высшего света, о докторе знают другое. От своих верных агентов в самой пучине лондонского дна я узнал, что человек, чрезвычайно похожий на доктора Струццо, был некогда известен в Неаполе как хирург. Говорят, что он не имел систематического медицинского образования. Он освоил ремесло, наемничая в Африке и набив руку на несчастных абиссинцах...

— Это еще не доказательство, — упрямо наклонил голову Ватсон. — Все итальянцы похожи друг на друга.

— У меня есть доказательство. Помните, как этот комедиант, изображая гнев, неосторожно показал нам руки? У него очень интересные пальцы. Длинные, тонкие, но сильные. Ногти острижены коротко, но очень аккуратно, без единого заусенца — такие ногти бывают у пианистов, взломщиков и хирургов. На левой руке едва заметный порез, который может нанести только бритва или ланцет. Если бы мне удалось понюхать эти пальцы! Я уверен, что учуял бы следы эфира или хлороформа: эти запахи въедаются в кожу навсегда. Это руки хирурга, Ватсон!

— Боюсь, Холмс, для присяжных это не покажется убедительным, — сказал Ватсон. — В конце концов, даже если он когда-то работал хирургом...

— О, вот тут-то начинается самое интересное. По тем же сведениям, он работал не где-нибудь, а в одном из самых известных неаполитанских борделей. Вы не хуже меня знаете, Ватсон, что именно входит в компетенцию медиков, устроившихся в подобном месте.

— Лечение венерических болезней и аборт, — догадался Ватсон.

— Вот именно, Ватсон, вот именно... Теперь поговорим вот о чем. В нашем высоконравственном обществе, — Холмс не скрыл

сарказма, — женщины, претендующие на порядочность, столкнувшись с подобными проблемами, обычно симулируют нервные расстройства, надеясь таким способом избежать ненужных вопросов, выиграть время и найти ловкого человека, который окажет им особого рода услуги. В таких вопросах, кстати, доверяют больше людям чужим, особенно иностранцам: они все-таки не совсем свои в нашем обществе и зачастую не разделяют нашу строгую мораль, считая ее набором предрассудков... Не удивлюсь, если выяснится, что все пациенты доктора Струццо женского пола.

— Ну, дорогой Холмс, уж одного-то пациента-мужчину мы с вами знаем. Это Эммануил Кросс, отец несчастной девушки.

— А так ли это? Во-первых, непонятно, с каких пор модный итальянский доктор пользуется старого нелюдимого художника, привязанного к своему дому и, видимо, к соседям. Такие люди очень консервативны — во всяком случае, в вопросах, касающихся их самих. Если Кросс и в самом деле болен... что нужно еще доказать... думаю, он обратился бы к старому, проверенному доктору, живущему неподалеку. Дочь — другое дело. Если она внезапно заболела... и отказалась лечиться у кого-либо, кроме знаменитого Струццо... Понимаете меня, Ватсон?

Ватсон склонил голову в знак согласия.

— Теперь о причинах заболевания. Помните, как этот негодяй, пытаясь очернить отца девушки, описывал сцену, когда Кросс кричал, что у него нет дочери, и требовал выгнать гулящую девку? Я склонен предположить, что это происходило на самом деле, но не имело никакого отношения к провалам в памяти. Семейный позор — вот что приходит на ум. Скорее всего, Анна не была хрупким цветком добродетели. Ее обуревали низкие страсти, она ходила по краю бездны, и — как знать? — может быть, ей уже случалось падать столь низко, что... — Холмс утер выступившую на лбу испарину рукавом халата. — Как бы то ни было, в один далеко не прекрасный день ей понадобились услуги Струццо. Скорее всего, речь шла об аборте.

— Аборте от кого? — спросил Ватсон.

— Сейчас неважно, кто это был. Так или иначе, итальянец пообещал все сделать без шума. Отец, скорее всего, предпочитал делать вид, что он ничего не знает о новом падении дочери. В частности, это объясняет, зачем понадобилась дешевая гостиница. Доктор Струццо и был тем самым «мистером Мерри». Но их ждала не ночь любви, а ужасная, кровавая операция, по сути убийство. И я не сочувствую — слышите, Ватсон? — да, не сочувствую этой молодой потаскушке, которая ради сохранения репутации — уже изрядно подмоченной — согласилась убить во чреве младенца, пусть даже зачатого в низком разврате...

— Но почему тогда никто не слышал криков? — нашел Ватсон новый аргумент.

— Элементарно, Ватсон. Доктор усыпил несчастную хлороформом, чтобы она не чувствовала боли. Что произошло дальше, сказать трудно. Скорее всего, во время операции доктор допустил какую-то ошибку и убил свою пациентку. Так или иначе, оставлять труп с явными следами абортивного вмешательства было нельзя — я уверен, что доктора и без того подозревают... И этому мерзавцу пришло в голову замаскировать свое преступление еще более чудовищным преступлением! Как известно, лист следует прятать среди других листьев, книгу среди других книг, а злодеяние — среди других злодейств. Он изуродовал труп, особенно потрудившись над нижней частью тела, превратив ее в кровавую кашу и тем самым уничтожив все следы беременности и аборта. Все это можно было выдать за преступление маньяка, какого-нибудь нового Джека Потрошителя. Но каков негодяй! С каким изумительным хладнокровием он расписывал нам подробности своего преступления! Впрочем, в одном месте его все-таки занесло. Помните этот сюжет с эскизом мертвой женщины, древнеримской мученицы? Он сказал: «Там были подробности, которые мог знать только тот, кто видел Анну обнаженной». Но каким образом врач, лечащий нерв-

СОДЕРЖАНИЕ

Тарантелла	5
Баркарола	59
Подлинная история баскервильского чудовища	93
Девоншир	137
Три джентльмена. <i>История про англичан</i>	201
Неторопливая пуля. <i>История про американцев</i>	207
Убить Семитского	241
Возвращение Ланцелота	277
Певец. <i>Малоизвестное начало довольно известной истории</i>	359
После меня хоть потоп	381
От издателей	406

